

НОВИНКИ

СЛУГА ЦАРЮ, ОТЕЦ СОЛДАТАМ

Храбрость, талант, верность Родине сделали простого сына казака Матвея Платова генералом от кавалерии, атаманом Войска Донского и графом Российской империи. Легендарными вехами его пути стали Очаков и Измаил, Бородино и долгая дорога от Москвы до Парижа. На склоне лет он обрел столько славы, что ее с избытком бы хватило на десяток боевых генералов. Его боготворили казаки и солдаты, уважали полководцы, награждали монархи и воспевали поэты и писатели. Предлагаемая читателям книга Владимира Лесина «Атаман Платов» (издательство «Молодая гвардия») раскрывает славные страницы жизни великого воина и полководца.

ХУДОЖНИК ИЛИ ПОЭТ?

Знак вопроса вполне уместен, если мы говорим о выдающемся английском литераторе и живописце Данте Габриэле Россетти. Двухтомник его поэзии и эпистолярного наследия представляет издательство «Азбука». Впервые на русском языке выходит знаменитый цикл сонетов Россетти «Дом жизни», который по значимости для английской культуры иногда сравнивают с сонетами Шекспира. Кроме того, читатель познакомится со стихотворениями, балладами и единственным прозаическим произведением поэта «Рука и душа».

ЗДЕСЬ КОВАЛАСЬ ПОБЕДА

Книга Михаила Магкова «Вермахт у ворот Москвы» (издательство ОЛМА-ПРЕСС) является первой в отечественной историографии попыткой исследования битвы под Москвой на основе малоизвестных документов немецкого командования, личных писем и дневников военно-служащих армий «Центр», ставших доступными историкам спустя десятилетия. Читатель получит возможность составить представление о событиях, ставших ключевыми во Второй мировой войне, опираясь на мнения и отклики очевидцев. Один из важнейших выводов, который можно сделать, прочтя книгу, — именно под Москвой непобедимая до той поры фашистская армия получила смертельный удар, от которого уже никогда не смогла оправиться.

ПРИЯТЕЛЬ ВИННИ-ПУХА

Рассказы писателя Майкла Бонда о медвежонке по имени Паддингтон, приехавшем в Англию из дремучего Перу и поселившемся в типичной лондонской семье, давно уже стали классикой детской литературы. Когда речь заходит о самых знаменитых литературных медведях, то наряду с Винни-Пухом англичане всегда называют и Паддингтона. Он никогда не сидит сложа лапы. Особенно если в беду попали его друзья. Книга «Медвежонок по имени Паддингтон» (издательство «Азбука») — очень добрая и красивая сказка, которая нравится всем читателям, независимо от их возраста.

Николай МОДЕСТОВ

Завершенный театральный сезон столицы, похоже, войдет в историю как предпереломный. В нем сохранились и получили развитие тенденции, которые зародились в сезоне предшествующем.

Тогда основные сражения развернулись между сторонниками театра как общественного института, способного серьезно влиять на публику, и теми, кто хотел бы видеть на российских подмостках лишь бездумно-развлекательные поделки. Поскольку волей обстоятельств театр оказался на переднем крае борьбы за самобытную культуру (кино утратило былые влияния, ТВ то и дело сбивается на фальшивые ноты), — понятно, насколько важен исход этих бескровных, но яростных сражений.

В сезоне 2004/05 года в перевес медленно, но все более внятно переходил к поклонникам театра-кафедр. Достаточно сказать, что в списке кандидатов на «Гвоздь сезона» — главную профессиональную премию Союза театральных деятелей — свыше трех десятков спектаклей, подавляющее большинство которых отличает как раз принадлежность к традиционному русскому театру. Причем последнее не означает эстетического однообразия — напротив, разность художественного языка «Суф(ф)ле» Театра на Таганке или «Сцен деревенской жизни (Дядя Ваня)» театра ОКОЛО, «Скользкая Лягушка» в Центре драматургии и режиссуры или «Шинели» в «Современнике» очевидна.

Между тем в другом лагере столь же наглядна вереница провалов. Еще в предшествующем сезоне раздавались критические голоса в адрес «нужреж»: упреки в легковесности, самоповторах, а то и прямом плагиате. Но тогда предупреждения заглушались черным пиаром. В истекшем сезоне даже недавно восторженные поклонники из «прирученной» критики вынуждены признать несостоятельность «Тартюфа» Н. Чусовой в МХТ, ее же «Сна в шалую ночь» в Пушкинском или «Ревизора» в Театре им. Моссюва. Единственная постановка М. Карбаускиса — «Гедда Габлер» у «Фоменок» (заявленные МХТ «Господа Головлевы» отложены) — резко подрывает авторитет любимейшей труппы. Прочие псевдоноваторы еще более уязвимы. Будь то О. Субботина с мизерабельными «Проявлениями любви» и «Ан-дер-сеном» — унылость последнего тем обиднее, что он представляет проект Конфедерации театральных союзов и рассчитан на вывоз за рубеж, где вряд ли повысит мнение о состоянии российских подмостков. Или П. Сафонова, чья «Ивонна, принцесса Бургундская» в Центре Мейерхольда, хочется надеяться, скоро исчезнет с афиши — по причине крайнего непрофессионализма режиссера и убогости исполнителей.

Единственная фигура, которая остается пока на плаву, — К. Серебренников,

но опять-таки не в силу своих достижений: чтобы доказывать оригинальность непрофессионального «Леса» в МХТ, ангажированной критике пришлось предпринять прямо-таки героические усилия и подтасовки. Причина вполне прозрачна: кончился пятилетний срок лидера Художественного театра, почему и нужно было доказательство успеха там, где мало что о нем свидетельствует. А точнее, об успехе и говорить-то трудно, ибо спектакль построен на ук-

Ведь даже примечательные работы актеров в постановках группы ниспровергателей не говорят в пользу последних — талантливых артистов у нас всегда было много. Речь идет не об отдельных звездных ролях (к тому же часто созданных самими актерами, без помощи постановщика), но о той гармонии, сыгранности всех участников — от центральных исполнителей до эпизодических, которая и называется ансамблевостью и представляет собой

нако вероятность создания на основе курса интересной труппы с включением близких по театральной крови сложившихся артистов весьма высока.

Наконец, намечались изменения и в самой застойной части московской сцены — в антрепризе. Продюсеры, похоже, хотели бы изменить сложившееся мнение о ней как об элементарном продолжении «чеса» советских времен, для чего намерены провести в будущем сезоне антрепризные фести-

ГРЯДЕТ СЕЗОН ПОТЯСЕНИЙ?

ФОТО АНДРЕЯ НИКИТИЧЕВА

раденных приемах, за что Серебренникова упрекал знаменитый немецкий режиссер Петер Штайн, прекрасно знающий русский театр и немало для его славы работавший.

Впрочем, сама истеричность выступлений в защиту «лидера молодой режиссуры» говорит о том, что прочность подобных ему постановщиков весьма условна. По существу, эта группка, назойливо рекламируемая в качестве авангарда и надежды русской сцены, пользуется тем же приемом эксплуатации ресурсов, что царствует и в экономике: они используют хороших актеров, игра которых маскирует убожество режиссерской мысли. Так, как Серебренников — Дмитрия Назарова, Наталью Тенькову... Этим великолепным актерам все-таки удается воссоздать атмосферу пьесы, о которой режиссер, похоже, даже не задумывается. Но если уже и в правительстве растет понимание необходимости смены экономического курса, то аналогичное положение на подмостках тоже становится решительно неприемлемым.

один из краевых камней отечественной сцены. Поэтому путь «тридцати Серебренниковых», презирающих ансамбль, ведет в безнадежный тупик.

Еще одна из радостей прошедшего сезона — выплеск дипломных спектаклей, среди которых первенствуют опять-таки приверженцы русской психологической школы. Кажется, юное поколение почувствовало опасность, грозящую родным подмосткам, и дружно выступило в их защиту. Среди получивших резонанс студенческих спектаклей — столь разные работы, как «Страна любви» в «Сатириконе» или «Недосказки» в Школе драматического искусства. Но пальму первенства, конечно, захватили студенты С. Женовача в РАТИ с целой серией постановок. Городской комитет по культуре выделил гранты, чтобы сохранить эти спектакли на московской афише; возможно, мы наблюдаем предвещание нового театра. Вряд ли, конечно, им станет весь курс — даже в совершенном по режиссуре «Как вам это понравится» очень невелико число ярких актерских индивидуальностей. Од-

валь. За десятилетия существования новой антрепризы в ней и в самом деле были достойные образцы — «N (Нижинский)» и «Башмачкин» агентства Богис, «Нумер в гостинице города NN» Центра Мейерхольда, «Орестея» и «ART» Конфедерации театральных союзов, «Вишневый сад» Фонда Станиславского; из последних примеров — «Три высокие женщины», которые теперь включены в репертуар Театра Маяковского. Если антрепренерам соединенными усилиями удастся взрастить качественную составляющую их продукции, столичная сцена получит еще один импульс к развитию.

Разумеется, эти тенденции встречают резкое сопротивление — и со стороны некоторых деятелей театра, которых вполне устраивает мутная ситуация, и от прикормленной критики, и от части публики, причуженной к бездумному времяпрепровождению в зрительном зале. Недаром столь поспешно — за два месяца до истечения срока — продолжение пребывания О. Табакова на посту худрука МХТ, ставшего едва ли не символом театра-ярмарки.

Теперь особое значение приобретает обещанная театральная реформа: она может или поддержать положительные сдвиги, или задержать их. Второе вероятнее — ведь даже не слишком понятно, чем вообще вызвано настойчивое желание провести реформу на подмостках, если не считать, конечно, лакомого кусочка в виде театральных зданий, порой достаточно вместительных и расположенных, как правило, в престижных местах (поджог театра ОКОЛО — одно из последних доказательств вторжения криминального бизнеса на подмостки). По словам Ю. Соломина, «реформа театра воспринимается как серьезная угроза», поскольку «может быть разрушена театральная система, которой мы по праву гордились и которой завидовали наши коллеги за рубежом».

На взгляд со стороны, реформа, даже в том виде, на который согласилось руководство СТД, не выглядит основной. В настоящее время существует огромное количество разнообразных организационных форм театра — так в принципе и должно быть в таком тонком и зависящем от множества факторов деле. Сведения их всего лишь к трем моделям наверняка воздвигнет множество препятствий для нормальной деятельности.

Словом, предстоящий сезон обещает стать временем потрясений. Хочется надеяться — созидательных.

Геннадий ДЕМИН

ОН НАРИСОВАЛ ДАЖЕ СТОН РЕБЕНКА

Петр Дик был удивительным художником. Он умер три года назад. Поэтому переселенцев из Северной Германии, родился на Алтае, а с конца 60-х жил во Владимире. Многие искусствоведы пытались увидеть в его творчестве черты немецкого экспрессионизма, другие угадывали в его картинах некое родство с православными иконами. Сам художник говорил, что следует одной из традиций древнерусского иконописного искусства: преодоления страдания. Да, внимание к драматизму, трагизму бытия свойственно поэзии немецкого романтизма. А русской реалистической литературе разве не свойственно?

Однако вряд ли творчество Петра Дика можно уложить в прокрустову ложе той или иной художественной манеры. На выставке представле-

Выставка, открывшаяся в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина, называется «Вычитание случайностей». На память приходят знаменитые блоковские строки: «Сотри случайные черты...» Художник Петр Дик (а на выставке представлены именно его работы) очень любил Блока...

ны пастели, а также картины, написанные углем. Поначалу мне казалось: не «мой» художник. Возможно, пришедшие на выставку зрители, окинув экспозицию первым взглядом, подумают то же самое. Советую не спешить. В работы Петра Дика необходимо вглядеться, вчитаться. И они очаруют, закружат и долго не отпустят своей странной и грустной прелестью. О глубинах бытия Дик поведал

не назидательно, а лирически. У него чаруют не столько линии, сколько широкие пастельные мазки. Не блеск, а нежное, едва уловимое сияние.

На его картинах мы не видим лиц. Вся выразительность в фигурах, чаще всего скорбных... Кстати, потом этот стиль был подхвачен многими коллегами Петра Дика.

У него есть серия под названием «Двое». Эти картины — не

о влюбленных. Например, «Мать и дитя». Женщина как бы укутывает неким покрывалом младенца, стремясь защитить его от грядущих тягот бытия. Такая вот современная Мадонна... А вот дедушка и внучка. Видимо, ребенок сможет защитить старика. Парадокс? Да нет, возникает мысль, что дети избавят стариков от страха смерти... Можно назвать шедевром лаконичный портрет «Большой». Мальчик с перевязанной рукой. Трудно передать стон ребенка средствами живописи. Петру Дик удалось.

Но Петр Дик не всегда печален. Один цикл его картин посвящен музыке и музыкантам. Девочка за роялем, чувствуете, только учится. Напряженно вглядывается в ноты, но уже захвачена мелодией. Ее талант — еще нераскрытый бутон. Поразительна картина «Репе-

тиция». Не прописывая лиц, глаз, только в позах, в единстве фигур и скрипок художник показал индивидуальность каждого персонажа — это кажется невероятным!

Петр Дик — очень русский художник. Ранит в сердце картина «На скамье». Где еще, кроме нашей многострадальной страны, отдыхающая на скамеечке бабушка выглядит настолько согнутой не только под грузом лет, но под грузом... А, да сами знаете чего!..

Мы приходим в этот мир, чтобы страдать, считает художник, что и показал в картине «Вход». Но она не впечатляет... Впечатляет картина «Выход». Из тьмы к свету. Черно-белая картина, в которой белое светится — как надежда на избавление от страданий.

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ